

# ПИСЬМА ИЕРЕЯ ТЮМЕНЦЕВА

бывшему в Градокузьине Одигитриевской Богородицкой церкви писателю Федору Михайловичу Достоевскому, обвенчался с Марии Дмитриевной Исаевой, и, что таинство брака оширил священником кузнецкого собора Евгением Исаакием Тюменцевом. В жизни Достоевского Тюменцев — не единственный человек «встречавшийся раз десяток, пивали чай, и русскую, но в самом онном виде», — сообщал в этом письме священник. Существуют гипотезы об их очных встречах после встречи, были и переписки...

«...отвлечемся на время наименования Тюменцева — Достоевского, «забудем» о связи, несущей имя священника известности в анналах. Посмотрим, как и живет он в возрасте юном, в годы 80-х, этом поможет нам его письма с известным дядей раннего сибирского ведения Стефаном (Степаном) Иоанновичем Гуляевым, пока малоизвестованная стично сохранившаяся в архиве Алтайского края.

Мы видим, что пересечения вных путей кузнецкого священника Тюменцева и его замечательных людей времени не просто цельностей. Дело не в том, что Тюменцеву «везло» на судьбу, а в тех притягательных качествах натуры —ическая мысль, гуманизм и т. п., которые превратили его в интересную, колоритную фигуру даже для нас, сибирянников. В этом письме переписка с Гуляевым, самым в свою очередь привнесшим умы края, показывает, что к свидетельству о консолидации сибирской интеллигенции.

**СТАРАЯСЬ РАЗВЕСТИТЬ ВСЕ ЛУЧШЕЕ...**

Это первое письмо С. Гуляеву было отправлено Тюменцевым 14 апреля 1880 года. Так оно оказалось знакомством,

но поскольку Вам не знакомы, осмеливаюсь Вам писать, надеясь на Ваше снисхождение. Уже давно слышу, что Вы — страстный любитель этого естествознания, имеющий в Барнауле отличный музей. Это то, что дает мне право и смелость обратиться к Вам с покорнейшим просьбами. Сам я тоже понимаю в

этом деле... немного; имею свой дом, садик небольшой, парник и огород, лет двадцать занимаюсь всем по-немногу, стараясь развести все лучшее, как по цветоводству, так и по огородничеству, выписываю давно «Вестник садоводства», а семена — от Н. В. Лисицына...».

Повод для переписки — культтивирование в крае полезных и декоративных растений. Достижения в этой области С. И. Гуляева неоспоримы и описаны в современной литературе. Иное дело Тюменцева, начавший заниматься растениеводством (селекцией) вскоре после встречи с Достоевским. Насколько специалисту или любителю могут быть интересны данные об опытах, собщенные в письме далее? Занимался ли кто-либо этим на территории округа до Тюменцева? Вопросы, на которые еще предстоит ответить.

«...Георгины и глоксинии каждый год не удаются, семена георгин дойдут до цветения, дадут небольшие клубни, а в конце зимы пропадают; глоксинии же ни разу не входят. Поэтому и обращаюсь к Вам: пришлите корней десяток георгин или менее да глоксинии через почту, я за все это Вам буду благодарен да, кроме сего, что будет все это стоить, немедленно Вам уплачиваю через почту. Из редких растений, по нашей местности, у меня имеются: ...кордатина, перистая бегония, юкка, пахиантус, кипарис, туя, лиродендрон, марказины, слезы львиное сердце, фумкия и пр. и пр. Особенно из них красуется фасоль с красными цветами и стручками... Если у Вас есть какие редкости из оранжерейных или двуплетных, прошу, поделитесь...»

На письме — не авторским торопливым почерком выведенено: «14 апреля 1880» и «Ответ 22 сентября». Очевидно, первая дата — день получения письма. А вторая? О каком «ответе» идет речь? В реестре писем С. И. Гуляева под № 63 от 22 сентября 1880 г. читаем: «В Москву, Н. В. Лисицыну 1 р. на семена маны». Нетрудно заметить, что о том же Лисицыне (еще одна общая связь!) говорится в строках священника.

«Искренне благодарю Вас за присланые Вами деревянные две вазочки, две

швейки и два шарика; подарки неожиданны и незаслуженные! Не знаю, чем Вам и заслужить. Дочь наша Евгения, отправившись в Барнаул к знакомым, сочтет нужным лично благодарить Вас. [Тюменцев — Гуляеву, 23 декабря 1885 г.]

Напомним: С. И. Гуляеву обязан своим развитием ряд промыслов в крае — изготовление плетеной мебели, плетенных шляп, шубное производство и т. п. Очевидно, уже как этнограф, интересующийся хозяйственной деятельностью коренного населения.

«Трава — загадка! — собирается и инородцами в половине лета; растет, кажется, на всяком грунте, но более попадается на суглинке, бывает встретил ее даже в выгоне нашего города; зеленовата — ее осенью скотина не ест. У инородца мог набрать сюда фунта три, которые со следующей почтой имею честь Вам доставить».

Возможно, речь идет о той «траве», по поводу которой П. Бородкин, исследователь творчества С. И. Гуляева, сообщил любопытнейшие детали: «В 1883 году стало известно, что в Кузнецком округе растет трава, которую широки употребляют на потники под седла, циновки, на обертку ног зимой и т. д. Трава, как выяснил Степан Иванович, годилась на мочало, для набивки тисфяков и могла идти на выделку бумаги. Не исключено вовсе (а на это указывает датировка писем), что именно Тюменцев мог быть косвенным или прямым «информатором» С. И. Гуляева о полезных свойствах этого растения.

В любом случае переписка С. Гуляева с нашим земляком представляла интерес для обеих сторон, иначе не объяснить многолетний обмен посылками и прочей корреспонденцией между Кузнецком и Барнаулом.

**«ПРЕМИНОГО ВАМ ОСТАЛИСЬ БЛАГОДАРНЫ...»**

Отношения Тюменцева и Гуляева отнюдь не ограничивались рамками общего увлечения растениеводством. Их контакты были более близкими, и это находит отражение в письмах.

«Искренне благодарю Вас за присланые Вами деревянные две вазочки, две

штольней и благодарностью, которыми буквально пересыпаны письма, и трогательной любви к церкви...»

По уже упомянутому реестру проходило десять писем и посыпал Евгению Исааковичу в Кузнецк, в основном весной и осенью, в периоды сельскохозяйственного межсезонья. Возможно, столько же пришло по обратному адресу. В нашем реестре опубликована лишь небольшая часть эпистолярного наследия Тюменцева. Взыскательный читатель может спросить: а зачем? Ну какой интерес представляют письма какого-то священника, пусть даже венчавшего и пившего «русскую» с Достоевским? Какое значение имеют круг занятий престарелого иеря и мелочи его быта?

Требует дополнительного подтверждения версия о возможных близких контактах Тюменцева с родственниками С. И. Гуляева в Кузнецке — в делах Алтайского гоархива встречались материалы более позднего времени о жизни здесь членов семьи Гуляева, есть и фотодокументы. В одном из писем Тюменцева, к примеру, упоминается племянник Степана Иоанновича Александр, ученик кузнецкого уездного училища: «Ваш племянник... около полугода болен, теперь поправляется». Это еще одна нить, связующая Гуляева с Кузнецком и Тюменцевым. Старый священник нередко делился письмах своими печальми и горестями. Не это ли показатель особенной близости Гуляевых и Тюменцевых? Похоже, жизнь законоучителя не была сладкой. Имел дом, небольшой сад, парник, огород. Но уже в 1880 г. Тюменцев призвался: «Со старушкою своею терпим большую нужду во всем». Положение обострилось в 1884 г. после пожара, уничтожившего дом и всю домашность. Понятны поэтому жалобы на неудобства быта из письма 1885 г.: «Дома не устроили, живем на квартире, во всех отношениях неудобной. Кажется, ни в саду, ни в огороде не доведется садить ничего». Контраст, идущий от необустроенных жизни личной и сетований на тяжелое существование, становится ярче на фоне искренних, прелестных даже, признания

ограничивается ее право на самобытность и самостоятельное, вне отношений с Достоевским, место в истории области. А ведь переписка Тюменцева с Гуляевым, по-настоящему еще не оцененная, — серьезная заявка на новый подход к личности священника.

Могут сказать: массовому читателю такие «разыскания» не интересны. По нашему же мнению, первый долг историка —знакомить широкого читателя со свежими архивными находками, ибо неведение влечет за собой незнание, а незнание — бездуховность.

**В. ВОЛЧЕК,**  
кандидат исторических наук;

**В. ТОГУЛЕВ,**  
сотрудник госархива.

**НА СНИМКЕ:** С. И. Гуляев, фото 1888 г. [из фонда Ново-кузнецкого краеведческого музея].

Фоторепродукция  
М. Лычагина.

